

Иван РОГОЩЕНКОВ

г. Петрозаводск

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

Справедливость, нравственность, дух народа, достоинство человека, святость законности могут осознаваться только в совокупности с сознанием вечных религиозных отношений человека. Мир свободной воли имеет свою правду в мире вечной нравственности.

И.В. Киреевский

Хорошо известно, что обыкновенным людям трудно ужиться с гением. Однако же и гений страдает среди нас, обыкновенных людей.

«Федор Иванович Тютчев – поэт русской идеи и вселенского охвата. Его размеренная и одновременно страстная лирика, его глубокая философия, данная исподволь, через тонкую образность и дыхание стиха, положили начало совершенно новой традиции в отечественной поэзии, озвучили многое извечно существовавшее, но ранее не взысканное».¹

Сказано кратко и глубоко верно. Добавим только: и в историко-философских трудах (в незаконченном трактате «Россия и Европа», в статьях, примыкающих к нему) найдем вдохновенность лирика, всеобъемлющий ум и горячее сердце. Слышим ли его сейчас? Внимаем ли его предостережениям, пророчествам? Увы, нет, как и в прошлом.

По всему видно: Тютчев-человек наделен Богом гениально природой, он отзывается чутко на все происходящее в реальном мире, он лично переживает даже отдаленные по времени и месту драмы

неспокойного мира. Отсюда – неустанный поиск историко-духовного значения происходящего.

С полной самоотдачей он стремился внедрить в сознание современников свое учение об Окончательной Православной империи – о России. Поэзия создавалась как бы попутно, наряду с главным творческим делом, тем не менее несла в себе достоинства его духа. И так во всем, что делал Тютчев в жизни: в отношениях с властями пререкательными, в общении с родными, друзьями, единомышленниками, в любви к женщине. Стихотворение, обращенное к великой княжне Марии Николаевне, дочери государя Николая I:

*Живым сочувствием согрета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта,
Не искушай его мечты!
Всю жизнь в толпе затеряя,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суверен,
Но редко служит он властям.
Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,*

Статья продолжает и развивает тему, заявленную в публикациях: Федор Тютчев. Вопрос об империи; Иван Рогощенок. Мысль изреченная – пророческая. Смотри «Север», № 1-2, 2005.

Или стоит он перед ними
 Смущен и гордо-боязлив.
 Но если вдруг живое слово
 С их уст, сорвавшись, упадет
 И сквозь величия земного
 Вся прелесть женщины мелькнет,
 И человеческим сознанием
 Их всемогущей красоты
 Вдруг озарятся, как сияньем,
 Изящно-дивные черты, –
 О, как в нем сердце пламенеет!
 Как он восторгом умилен!
 Пускай служить он не умеет, –
 Боготворить умеет он!

Существо поэта подвластно «непреодолимому влечению сердца, тому святому гласу, который почитаю я небесным явлением, – что мнится мне, имей я несчастье послушаться его в силу какого-либо малодушного расчета... я навлеку на себя заслуженную кару...»

В письме к дочери о том же: «тебе... я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви...»²

Стихотворение «Не верь, не верь поэту, дева...»:

Поэт всесилен, как стихия,
 Не властен лишь в себе самом;
 Невольно кудри молодые
 Он обожжет своим венцом.

.....

Твоей святыни не нарушит
 Поэта чистая рука,
 Но ненароком жизнь задушит
 Иль унесет за облака.

Воистину, святая любовь и живая вера, непосредственно изливающиеся из сердца, согревающие ум, – все это возвышает душу до пророческих прозрений; одновременно светло, радостно и одновременно трагически мучительно («Проблеск»):

О, как тогда с земного круга
 Душой к бессмертному летим!
 Минувшее, как призрак друга,
 Прижать к груди своей хотим.
 Как верим верою живою,
 Как сердцу радостно, светло!
 Как бы эфирною струею
 По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;
 Мы в небе скоро устаем, –
 И не дано ничтожной пыли
 Дышать божественным огнем.

Вся жизнь поэта, все его творчество полны радости, очарований – и вместе с тем неизбежно трагично. Неизбежно? Нет! Вознесаясь на небо и падая долу, душа сохранила память о небе. Видит его отражение в природе («Как хорошо ты, о море ночное...»):

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
 Чей это праздник так празднуешь ты?
 Волны несутся, гремя и сверкая,
 Чуткие звезды глядят с высоты.
 В этом волнении, в этом сиянье
 Весь, как во сне, я потерян стою –
 О, как охотно бы в их обаянье
 Всю потопил бы я душу свою...

Но видит только отчасти: природа на время может облегчить тяжесть земных трудов и забот. У Пушкина встречаем определение «равнодушная природа». Михаил Пришвин возражает: природа не равнодушна, а беспристрастна. По Тютчеву, природа таит мировую драму:

Природа – сфинкс. И тем она верней
 Своим искусом губит человека,
 Что, может статься, никакой от века
 Загадки нет и не было у ней.

Космическая драма Вселенной, драма Истории человечества разрешаются и оправдываются в Боге.

«Последний катаклизм»:

Когда пробьет последний час природы,
 Состав частей разрушится земных:
 Все зримое опять покроют воды,
 И Божий лик изобразится в них!

Это упование Тютчев сохранил от молодости до исхода из земной жизни. Оно же определило его философию истории: незаконченный трактат «Россия и Европа», примыкающие к нему статьи, развивающие учение о России – Окончательной Православной империи. Об этом учении – обстоятельное и глубокое исследование Б.Н. Тарасова.³ Укажу еще издание в своем роде единственное: составленный Игорем Виноградовым сборник, представляющий поэта «как глубокого религиозного мыслителя, православного историка и публициста». Здесь в трактат

«Россия и Европа» включены стихи поэта, по содержанию соответствующие девяти главам задуманного труда. Вчитаемся в отрывок из него. Русская Империя – наследница Византии, а не насаждение Чингисхана, как стало модно думать сейчас.

«Что такое **Империя**? Учение об Империи. Империя не умирает. Она передается. Реальность этой передачи: 4 прошедших Империи, 5-я – окончательная.

Эта традиция, отрицаемая революционной школой, что и традиция в Церкви.

Это индивидуализм, отрицающий историю.

А между тем идея Империи была душой всей истории Запада.

Карл Великий. Карл V. Людовик XIV. Наполеон.

Революция убила эту идею, с чего началось разложение Запада. Но Империя на Западе всегда являлась не чем иным, как узурпацией.

Это добыча, которую Папа поделил с кесарями Германии (отсюда их распри).

Законная Империя осталась привязанной к наследию Константина. (...) Что касается турок, то они заняли православный Восток, чтобы заслонить его от западных народов, – пока создавалась законная Империя.

Империя едина.

Православная Церковь – душа, славянское племя – ее тело. Если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы.

Империя Востока: это Россия в окончательном виде».⁴

Историсофские идеи Тютчева находили живой отклик у его современников и в потомках. Не потому, что они заимствовали. Нет: Тютчев явился в начале становления и развития русской культуры девятнадцатого века, причем его творчество нашло свое место в главном потоке развития. Поэтому любой русский мыслитель, вступая в мир идей, родственных ему, вольно или невольно воспринимал то, с чего все начиналось.

Так, богословские труды Хомякова вызваны, в частности, статьей «Папство и Римский вопрос». Идеи Тютчева так или иначе отзывались в творчестве И. Киреевского, Н. Федорова, К. Победоносцева, Л. Тихомирова, К. Леонтьева, И. Ильина... Даже в поэзии и статьях М. Волошина. Тютчев в письме к дочери (10 октября 1861 г.): на юге России «арена predeterminedной ей великой будущности, что эта будущность, отвратить которую не смогут все наши усилия, возможна только там».

М. Волошин тоже предрекает особую судьбу для юга страны: стихотворение «Европа», статья «Россия распятая», о революции: «Мне представляется возможным образование Славии – сла-

вянской южной империи, в которую, вероятно, будут втянуты и балканские государства, и области южной России».⁵

Идеи Тютчева внесли в нашу культуру великий вклад, он не поддается разрушению в наше время низвержения прежних авторитетов и замены их новыми. Государственная власть не поняла и не приняла их.

Почему предвидения Тютчева о междоусобиях в Европе, приведших к двум мировым войнам, и выступление объединенной Европы против России, столь очевидное в 2014 году, оправдывается? А учение об Окончательной Православной империи – нет?

В письмах великого мыслителя и поэта даны объяснения. Приведу один отрывок о государственной власти и общественном настроении в России.

«Я говорю о самой власти во всей сокровенности ее убеждений, ее нравственного и религиозного *credo*, одним словом, во всей сокровенности ее совести. Отвечает ли власть в России всем этим требованиям? Какую веру она исповедует и какому праву следует? Только намеренно закрывая глаза на очевидность... можно не замечать того, что власть в России – такая, каково ее образовало ее собственное прошедшее своим полным разрывом со страной и ее историческим прошлым, что эта власть не признает и не допускает иного права, кроме своего, что право... исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти, и что эта сила узаконена в ее глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещенности. Переберите одного за другим всех наших государственных и правительственных деятелей, прислушайтесь к их словам, вникните в самую суть их убеждений, и вы найдете, за одним или двумя исключениями, что у всех, даже у лучших, по-видимому, нет иного *credo*, кроме того, о котором я только что сказал. Одним словом, власть в России на деле **безбожна**, ибо неминуемо становишься безбожным, если не признаешь существования живого непреложного закона, стоящего выше нашего мнимого права, которое по большей части есть не что иное, как скрытый произвол. В особенности грустно и безнадежно в настоящем положении то, что у нас все общество – я говорю об обществе привилегированном и официальном – благодаря направлению, усвоенному им в течение нескольких поколений, не имеет и не может иметь другого катехизиса, кроме катехизиса самой власти». (А.Д. Блудовой. 28 сентября 1857 г.)

Сказанное поможет и нам разобраться в реальных угрозах нашего времени. Для Тютчева самодержавие и самовластие – разные понятия. Самодержавие – власть над государством, наро-

дом, обществом, данная Богом; самовластие – присвоение власти, ему не принадлежащей (см. стихотворение «14-е декабря 1825»).

В высшем так называемом обществе он находил англофилов, франкофилов, германофилов, – не встречал лишь понимания русского исторического прошлого и видения современных путей развития России в национальном духе. Эти заблуждения вредили, по Тютчеву, художественной литературе (из письма П.А. Вяземскому, март 1848 г.): «Ваша книга, князь, доставила мне истинное наслаждение, ибо действительно испытываешь истинное наслаждение, читая европейскую книгу, написанную по-русски. Взятая ею точка зрения есть та колокольня, с которой открывается вид на город. Проходящий по улице не видит его. Для него город, как таковой, не существует. Вот чего не хотят понять эти господа, воображающие, что творят национальную литературу, утопая в мелочах». Имеются в виду пишущие в стиле «критического реализма» и поощряющие это направление, обедняющее или искажающее народную жизнь.

Основательность, ценность воззрений Тютчева устанавливает сама история. Семнадцатый век: разрыв с традицией, утрата духовного наследия... Результат – нарушено общественно-гражданское единство, государство разваливается. Смутное время. И.Е. Забелин, «историк старомосковской цивилизации», младший современник Тютчева, обнаруживает причину в самой власти.⁶

Высшее сословие страны, бояре, происходят от княжеских дружинников, которые не только служили удельным князьям, но часто влияли на их решения и действия. Господство великого князя, приобретаемое со временем едва ли не самодержавный характер, вызвало сильнейшее сопротивление. Отсюда междоусобные войны, разрывавшие целостность русской земли. Когда прочно установилась царская власть Ивана III, Ивана IV, боярство открыто выступить не могло, только исподволь расшатывало единство. Воспользовавшись пресечением династии, ослаблением государства, социальными противоречиями, оно выступило за новый порядок: призвать на русский трон королевича Владислава, ограничив его власть по польскому обычаю договором. Примером бояр и другие сословия захотели вольностей. Все рушилось.

По Забелину, в Нижегородском краю русская народность сохранила старые традиции и свежесть православной веры. Отсюда и пошло собиранье здоровых для борьбы с иноземным нашествием, за восстановление государства. Восстановили в прежнем строении, ничего не изменив. Время требовало перемен. Каких? Три лица той

поры оставили нам свои планы и вождедения. Царь Алексей Михайлович посматривал на Запад, там искал мудрости. Патриарх Никон боролся за византизм, столь любезный потом Константину Леонтьеву. На Западе римское христианство, признавшее пап непогрешимыми, усвоило аристократический характер, как и королевская власть – аристократизм римских кесарей. Императоры и духовные иерархи Византии – иконоборцы – отличались тем же. Протопоп Аввакум решительно восстал за основы старорусской государственности и за неколебимость древней веры, – простой, воспринятой простецами, не искусственными языческим суемудрием. Отметим, кстати, что и Аввакум и Никон – выходцы из Нижегородской земли.

Примирить непримиримые стремления оказалось невозможно, грозило новое смутное время. Провидение и послало нам царя Петра, при котором, – писал Пушкин, – «все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкою». Все дрожало, все безмолвно повиновалось.⁷ Россия спасена от разброда, развала.

Семнадцатый век – ключ к разгадке истории России в прошлом, настоящем и будущем.

В конце десятого века Русь приняла христианство от Византии, вместе с ним – начальные основы империи (с востока, разумеется, но не от Чингисхана). Владимир Святой и Ярослав Мудрый в борьбе с языческой раздробленностью на уделы укрепили государственное единство земли. Сыновья и внуки Ярослава развязали такую междоусобную брань, что в тринадцатом веке Русь не могла противостоять татаро-монгольскому нашествию, получила владыку и объединителя чуждого – Чингисхана. Заслуженное наказание за смуты, братоубийственные брани.

Татаро-монголы принесли в быт славян много дурного, но от них научились ямской службе. Главное, сохранили под чужим игмом основу национального характера, чистоту веры, ставшей залогом будущего освобождения. Иначе Куликово поле, предвестье народного возрождения, не состоялось бы. Освобожденная Россия при Василии III осознала свое предназначение: Москва – третий Рим, четвертому не бывать. Осознала как духовную миссию. Претензии на мировое господство у нее не было. Эта претензия явно сказывается в делах современной Америки.

После Петра I наступило нечто похожее на смутное время: бироновщина, засилье иностранцев в государственной службе, в науке, неорганичность внешней и внутренней политики. С Екатерины II видим дальнейшее развитие государ-

ственной централизации и внешний рост империи. Военные и гражданские заслуги Григория Александровича Потемкина: заселение Новороссийского края, овладение Крымом без войны, основание Черноморского флота, улучшение в армии. Наконец, совместные с государыней планы освобождения Царьграда. Потом следуют некоторые заминки при Павле I. После победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года Россия становится миротворцем Европы. Крымская война, падение Севастополя – бунт Европы против главенства Империи русской. Миротворчество Александра III на новом уровне – не военной силой, а духовной. Нелишне отметить: Константин Петрович Победоносцев преподавал законоучение великим князьям, в том числе и будущему императору Александру III. В 1873 году передал ему от Достоевского роман «Бесы», на протяжении его царствования в письмах выражал свои суждения по острейшим общественно-государственным и нравственно-духовным проблемам России. Казалось бы, дело пошло на лад, однако непредвиденно разразилась катастрофа в начале двадцатого века.

Тютчев знал роковую болезнь русского самовластья. Оно боролось с западными революционными идеями, якобы освободительными, на деле только разрушительными. Боролось, но – как? Только государственной мощью; не противопоставило им политические и духовные учения, обогащенные современным опытом богословов и религиозных мыслителей. Русскую идею, полнее и полнее раскрывавшую свое содержание, толковало догматически, казенно.

Первыми занесли к нам революционные настроения герои Отечественной войны 1812 года романтики-декабристы. Дальше больше: романтики-анархисты, социалисты с разрушительными утопиями, претендующие на научность. Люди, ослепленные гордостью, толкали страну к пропасти, пока еще свои по рождению. Следствие – революция, гражданская война, диктатура пролетариата – застой духовный и материальный. Недаром сказано: воля доволкуется до неволи.

Застой умственный приводит практических деятелей к поразительной слепоте. После освобождения Западной Украины от немецкой оккупации там еще продолжалось «партизанское» сопротивление Красной армии. Военной силой его подавили. Вызвавший сопротивление польско-католический дух западных украинцев считали предрассудком, суеверием, невежеством, надеялись развеять передовым марксистско-ленинским учением. Не вышло. Этот дух, враждебный царской России, советской Рос-

сии, Российской Федерации, воспрянул в наши дни, подогреваемый Западом, в кровавой междоусобице на Украине.

Что день грядущий нам готовит? Ответ и на этот вопрос есть у Тютчева:

Олегов щит

1

*«Аллах! Прелей на нас свой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза Гяуров лицемерных!
Пророк твой Магомет!»*

2

*«О наша крепость и оплот!
Великий бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..»*

*Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула –
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.*

Слово сказано: богоизбранный народ. Народы, исповедующие ислам, заимствовали смысл этого понятия у евреев. Евреи рассеяны по миру, но они могут соблазнить своей мечтой других. Ислам, в самом начале единый и воинственный, создал государство, сопоставимое с Римом. В наше время силы его ослаблены внутренними противоречиями. Россия должна внимательно вглядываться в происходящее, не забывая свой исторический опыт: претенденты на богоизбранность есть и другие.

В западной Европе все главные, так сказать, народы хотели быть ведущими, господствующими на континенте. Поэтому каждый, кто покушался на богоизбранность, встречал бешеное сопротивление иных: так начинались мировые войны – первая и вторая.

У американцев, уверовавших в свою богоизбранность, не было и нет соперников на их отдаленном от Европы континенте. Победа северян в Гражданской войне с югом, успехи в промышленности еще более уверили в праве на мировое господство. Две мировые войны ослабили Европу, зато обогатили и усилили Соединенные Штаты, сделавшиеся гегемоном и старого континента.

Ислам ослабленный не забыл свои претензии на богоизбранность, не хочет покориться американс-

кому проникновению на Восток, в арабский мир. Америка, уверенная в своей силе, наступает жестко и беспощадно. Сложность, пестрота, противоречивость влечений на Востоке определяют парадоксальность картины: интересы американцев и воинственных исламистов то совпадают, то резко расходятся. Вот смысл происходящего там. Примирение вряд ли возможно, но если бы оно состоялось, бывшие противники дружно поднялись бы на Россию. Тютчев в свое время говорил о миротворчестве России в Европе: примирившись, объединенная Европа выступит против миротворца.

Россия – особый мир. Древнейшая наша летопись свидетельствует: князь Владимир, крестившись и крестивший свой народ, непосредственно и, насколько возможно полно смертному, принял христианство, евангельскую Истину; он не велел казнить даже разбойников. Полнота и непосредственность восприятия евангельской Истины свойственна и его народу: «Будите убо совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть». (Мф. 6,48) Главный завет: *бесконечное совершенствование духовное, простота и скромность быта*. Крестьяне-христиане верны были завету, назвались Святая Русь. Она не преуспела в обогащении, в развитии промышленности для роскоши, хранила залог высшего бытия. При нужде усвоить извне практическую мудрость, ей нельзя было поступаться ничем из духовного наследия.

Богословие иудаизма, оставшегося с Ветхим заветом, утратило перспективу бесконечного возвышения, как бы достигло потолка в богопознании. Виделось только внешнее развитие: обогащение материальное, овладение земным миром. Ислам, принявший кое-что из закона Моисеева, тоже не продвинулся в совершенстве, ограничился расширением своих владений, обогащал быт, роскошествовал, поглощал чуждые учения. Так, от арабов европейцы узнали о существовании Аристотеля.

Римская церковь, отделившись от Православия, соблазнилась приобретением мирской власти, мирских благ и выгод. Западное общество занималось внешним устройством быта, бесконечным совершенствованием промышленности, чтобы не только удовлетворялись естественные потребности человека, но возникали все новые и новые, требующие насыщения. Так создалось «общество потребления» вещественных благ. В этом суть прогресса, общественный идеал, земля обетованная. До духовного бесконечного развития дела нет. Застой при внешнем блеске.

Христианство, – пишет Хомяков, – «заключает в себе всю божественную истину и все совершенство духовное и нравственное, так как ни человек, ни об-

щество, ни народ не могут ни воплотить его вполне в себе, ни даже достигнуть хотя бы приблизительно до пределов бесконечных требований его: оно заключало в себе причину бесконечного и неограниченного усовершенствования. Чем более усовершенствуется человек, тем дальше впереди видит он цель, поставленную христианством, тем яснее слышит голос христианства, зовущего его вперед и вперед по пути духовного совершенства. Что является в каждом человеке, то явилось и в народах. Приняв веру христову, они должны были подчиниться ее требованиям и стремиться к поглощению веры своей в своей частной и общественной жизни. (...) Такова причина, почему они должны совершенствоваться бесконечно, если не утратят веры, в которой заключается все их нравственное достоинство; такова, наконец, причина, почему первыми в ряду всех народов станет тот народ, который сохранил полнее и живее веру и который глубже и яснее соединяет ее святые требования».⁸

Так что же день грядущий нам готовит? Западная Европа вся, теперь во главе с Америкой, ополчилась на Россию. Оправдалось пророчество Тютчева. Все бы ничего – справились бы, да много соблазнов возникает, особенно для молодежи. «Невозможно есть не прейти соблазном, – сказано в Евангелии, – горе же, его же ради приходят». (Лука. 17,1) Главный соблазн: вскормленная Западом идейно и финансово наша «болотная» или иная оппозиция. Хотите понять нашу оппозицию? Читайте роман Достоевского «Бесы». Разрушит она единство и мощь – духовную и материальную – России, мы окажемся как бы вновь в тринадцатом веке: нами править будут «Иных времен татары и монголы» (Николай Рубцов. Видения на холме).

*Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

Как на угрозы времени отвечает наша современная литература?

В прошлом веке поколения, прошедшие Великую Отечественную войну, побывавшие – вдумайтесь, вчувствуйтесь в эти слова – «за чертой милосер-

дия» (Д.Я. Гусаров), – создали незабываемую литературу. Вернувшись к мирному труду, они подчинялись государственной и партийной дисциплине, но обрели внутреннюю свободу, имели право выступать и выступали от всей России, призывая к милосердию. Поколения, рожденные в тридцатых годах прошлого века, не воевали. На их долю выпало тяжелое военное детство и отрочество. Они оставили свою литературу – деревенскую, исполненную драматизма личного и общественного, поисками причин происшедшего, обращением к мудрости и урокам исторического прошлого. Их голос слышался по всей стране. Создания нынешних литераторов – в большинстве своем – камерного характера. Кажется, им нет надобности обращаться к прошлому: классической литературе, историческим исследованиям, философии, религии. Они сознают себя самодостаточными, их метод – самовыражение. Среди них не отыщешь писателей, говорящих от имени всей России, как было прежде.

Печально. Время наше тревожное. Пора писателям выйти из самозамкнутости, из областной местечковости, будь то Москва, Петрозаводск или любой другой город. Выйти на простор исторического бытия, в подлунный мир воинствующих неправд, занять каждому свое место в борьбе за историческую правду, за Отечество.

Россия

*Россия – лазурное слово,
Свечение Вести Благой,
Последняя пристань Христова,
И нет во вселенной другой.
Твой образ донныне унижен,
Но все отпадет пеленой:
Под пылью и копотью вижу*

*Таинственный лик неземной.
Какая беда б ни грозила –
Всегда посрамятся враги.
Россия! Россия! Россия!
Надежды молитвенный гимн.⁹*

Надежда не оставляет иеромонаха Романа. Утверждение надежды в нашей истории, в развитии философской и религиозной мысли, в живой вере, не покинувшей нас. Восстанем за Правду, а там как Бог даст. Святой праведный Иоанн Кронштадтский свидетельствует из опыта: без помощи не останемся. «Я – немощь, нищета; Бог – сила моя. Это убеждение есть высокая мудрость моя, делающая меня блаженным».¹⁰

¹ Федор Тютчев. Стихотворения. Москва, Эксмо, 2004, с. 4. Стихи Тютчева приводятся по этому изданию.

² Ф.И. Тютчев. Сочинения в двух томах. Издат. «Правда», 1980, с. 122, 198. Цитаты из писем приводятся по этому изданию.

³ Полное собрание сочинений Ф.И. Тютчева в шести томах. Издательский центр «Классика», Москва, 2003, том третий.

⁴ Ф.И. Тютчев. Россия и Запад: книга пророчеств. Православный Свято-Тихоновский богословский институт. Москва, 1999, с. 162-163.

⁵ Максимилиан Волошин. Жизнь – бесконечное познание. Москва, «Педагогика-Пресс», 1995, с. 95-97, 333.

⁶ Иван Забелин. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время. АГРАФ, Москва, 1999.

⁷ А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. Академии наук СССР. Москва, 1958, том восьмой, с. 126.

⁸ А.С. Хомяков. Сочинения в двух томах. Москва, изд. «Медиум», 1994, том первый, с. 484-485.

⁹ Иеромонах Роман. Перед всеми душа виновата. Минск, Белорусский Экзархат. 2006, с. 20.

¹⁰ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Изд. Сретенского монастыря. Москва, 2009, с. 932.

Иван Константинович РОГОЩЕНКОВ

родился в 1933 году в Смоленской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

Несколько десятилетий заведовал отделом критики в журнале «Север».

Автор книг «Воля творить жизнь» (Петрозаводск, 1979 г.),

«Память и надежды» (Москва, 1988 г.).

Член Союза писателей России с 1980 г.

Живет в Петрозаводске.

